

*Посвящается Мериел — лучшей из моих лучших
подруг*

До

В памяти отпечаталась дверь. «Дверь была открыта, — твердила она потом в полиции. — Как я не догадалась, что случилось неладное!..»

Память сохранила каждый шаг на обратном пути: скрип гравия на пересекающей Старый двор дорожке, под Черуэльской аркой, затем пробежку украдкой через темный Парк аспирантов, чтобы срезать угол, — ноги легко касались мокрого от росы неприкосновенного газона. Оксфорд мог бы обойтись без табличек «Ходить по траве запрещено» — лужайка более двух веков оставалась вотчиной членов совета и научного общества университета, обычным студентам лишнего напоминания об этом не требовалось.

Дальше общежитие магистратуры и дорожка, огибающая корпус «Новый двор» — его возвели почти четыре века назад, но все же на сто лет позже «Старого».

Вверх по лестнице подъезда номер 7, четыре пролета стертых ступеней до этажа, где она делила с Эйприл квартиру, расположенную на левой стороне лестничной площадки, напротив квартиры доктора Майерса.

Дверь доктора Майерса по обыкновению была закрыта, а вот дверь ее собственной квартиры оказалась открытой. Больше она ничего не запомнила. Ей следовало догадаться: случилось что-то ужасное. Но в тот момент ее ничто не насторожило.

О том, что происходило потом, рассказали другие. Она закричала. Хью взбежал вслед за ней по лестнице,

перепрыгивая через две ступени. Обмякшее тело Эйприл лежало на каминном коврикe почти в театральной позе — так все выглядело на фотографиях, которые ей потом показывали.

Сама она не могла вспомнить эту сцену. Как будто разум заблокировал картинку и отключился, словно компьютер после сбоя памяти. Файл поврежден. Терпеливые расспросы полицейских так и не помогли восстановить этот момент.

И только иногда, посреди ночи, она просыпалась, увидев сцену, не похожую на зернистые снимки «Полароида», сделанные полицейским фотографом, с аккуратно расставленными маркерами рядом с уликами и резкой подсветкой. На ее собственной картинке свет приглушен, а щеки Эйприл еще розовеют, сохраняя последние проблески жизни. И тогда ей снится, как она бежит через комнату, спотыкается о коврик, а потом падает рядом с телом подружки и слышит собственный крик.

Трудно сказать, чем считать этот сон — воспоминанием или кошмаром. Возможно, сочетанием и того и другого.

Так или иначе, Эйприл больше нет в живых.

После

— Семнадцать фунтов, девяносто девять пенсов, — говорит Ханна стоящей перед ней женщине.

Та рассеянно кивает и протягивает карту.

— Может, картой?

Женщина медлит с ответом, пытаясь заставить своего ребенка лет четырех не трогать ластики на полке канцтоваров, но когда Ханна повторяет вопрос, отвечает:

— Ах да, конечно.

Ханна подносит карту к аппарату и, услышав писк, передает вместе с чеком детские книги — «Груффало», «Новое дитя» и «Внутри моей мамы есть дом». Кого

покупательница ждет: сыночка, дочку? Ханна перехватывает взгляд девочки, играющей с канцелярскими принадлежностями, и заговорщицки улыбается. Девчушка замирает, потом неожиданно улыбается в ответ. Ханну тянет спросить, как ее зовут, но матери девочки может не понравиться излишний интерес.

Потому Ханна лишь спрашивает у женщины:

— Вам дать пакетик? Есть также симпатичные сумки по два фунта штука. — Она указывает на стопку холщовых шопперов за стойкой. На каждом логотип магазина «Басни» — расплзающиеся стопки книг, сложенные в виде букв с его названием.

— Спасибо, не надо, — бросает покупательница. Она сует книги в наплечную сумку и тащит дочь к выходу.

Ластик в форме пингвина падает на пол.

— Прекрати! — требует мать девочки, когда они выходят через стеклянные двери в викторианском стиле под звяканье колокольчика. — Ты сегодня несносно себя ведешь.

Ханна провожает их взглядом до угла, девчушка ревет, едва поспевая за матерью. Ханна трогает свой живот — жесткий, круглый, он кажется чужим и напоминает футбольный мяч.

Книги в разделе для будущих родителей сравнивают эмбрион с фруктами — арахисовым зернышком, сливой, лимоном.

— Похоже на «Очень голодную гусеницу» для родителей, — озадаченно заметил Уилл, прочитав главу о первом триместре.

Плод на тот момент вырос до размеров манго, а может быть, граната. На шестнадцатой неделе беременности Ханна Уилл купил ей авокадо, желая с юмором отметить эпохальную веху, принес плод прямо в постель и разрезал пополам ложкой. Ханна только мельком взглянула на него и тут же почувствовала, как крутит внутренности утренняя тошнота, которой положено было бы уже пройти. Оттолкнув тарелку, она бросилась в туалет.

— Извини, — сказал Уилл, когда она вернулась. — Просто мне пришла в голову интересная идея, и я...

Ханна не смогла доесть авокадо. При одной мысли о нем к горлу подступала тошнота. Дело было не в ощущении скользкой маслянистости на языке, а в чем-то еще, сугубо интимном. Почему-то пришла мысль, что она вроде как поедает собственный плод.

— Кофе?

Приглашение Робин отвлекает Ханну от раздумий. Она поворачивается к коллеге, стоящей у другого конца стойки.

— Что ты сказала?

— Я говорю, кофе хочешь? Или ты по-прежнему от него отказываешься?

— Нет-нет, не отказываюсь. Хотя стараюсь не слишком налегать. Может, без кофеина?

Робин, кивнув, уходит в противоположный конец магазина, в закуток, который они называют «комната персонала». Почти в ту же секунду в заднем кармане джинсов Ханны начинает вибрировать телефон.

На работе она выключает звук. Кэти, хозяйка «Басен», добрая душа, отвечать на звонки не запрещает, но они могут помешать проводить детский праздник или обслуживать покупателей.

Однако сейчас в магазине никого нет, и Ханна достает телефон проверить, кто звонит.

Это ее мать.

Ханна хмурится. С чего бы это? Мать обычно не беспокоит по пустякам, она звонит раз в неделю, как правило, субботним утром, когда возвращается домой после заплыва на озере. Джилл редко звонит на неделе и никогда не тревожит дочь в рабочее время.

Ханна нажимает кнопку, отвечая на звонок.

— Ханна, ты сейчас можешь говорить? — начинает мать без всякого вступления.

— Я работаю. Если появится покупатель, придется прерваться, но пока я могу, если недолго. Что-нибудь случилось?

— Да. Нет. То есть...

Джилл замолкает. Ханна чувствует, как по спине пробегает волна тревоги. Ее практичная, уверенная в себе мать никогда не теряется и не мямлит. Что на нее так подействовало?

— Ты нормально себя чувствуешь? Не заболела?

— Нет! — раздается отрывистый смешок, хотя за ним по-прежнему ощущается странное нервное напряжение. — Нет, ничего такого. Просто... Я полагаю, ты еще не смотрела новости?

— Какие новости? Я весь день на работе.

— Новости о Джоне Невилле.

У Ханны замирает сердце.

Тошнота последние недели медленно отступала, но сейчас одним махом вернулась. Ханна сжимает губы и с силой дышит через нос, схватившись свободной рукой за край прилавка, как за надежную опору.

— Извини, — нарушает тишину мать. — Я не хотела застать тебя врасплох на работе, просто только что получила уведомление от «Гугла» и побоялась, что тебе позвонит кто-нибудь из Пелэма или пришлют репортера из «Мейл». Вот я и подумала... — Было слышно, как Джилл сглотнула. — ...лучше сама тебе сообщу.

— Что? — Ханна сжимает губы, словно это может остановить тошноту и проглатывает подступившую к губам жидкость. — Что сообщишь?

— Он умер.

— Ох! — Более странного чувства не придумать. Мгновенное облегчение, а за ним — пустота. — От чего?

— Сердечный приступ, прямо в камере, — тихо отвечает Джилл.

— Ох! — повторяет Ханна. Она наощупь находит стул за стойкой, на который продавцы садятся только в спокойные минуты, чтобы налепить на книги наклейки. Ханна кладет руку на живот, как будто еще не поздно отвести уже нанесенный удар. Никакие слова не приходят на ум. У нее лишь вырывается очередное «ох».

— Ты в порядке?

— Да. Естественно. — Голос Ханны звучит в ее собственных ушах как чужой, словно кто-то другой говорит далеко-далеко. — С чего мне быть не в порядке?

— Ну... — Джилл явно старается тщательно подбирать слова. — Событие-то важное. Даже эпохальное.

Эпохальное. Возможно, из-за этого слова, сорвавшегося с губ матери и когда-то произнесенного Уиллом, ей вдруг изменяет выдержка. Ханна пытается подавить всхлип и желание убежать из магазина, не дожидаясь конца смены.

— Извини, — бормочет она в трубку, — извини, мам, но мне нужно... — Ничего не приходит в голову. — Покупатель пришел, — наконец находится она.

Ханна бросает трубку. На нее наваливается тишина пустого магазина.

До

Парковка на Пелэм-стрит была полна под завязку, поэтому мать Ханны остановилась на двойной желтой линии прямо на Хай-стрит. Ханна кое-как вытащила из машины самый большой чемодан. Мать обещала вернуться, когда найдет, где припарковаться.

Ханна проводила взглядом выдавший виды «мини» со странным чувством — она словно оставила в машине, как змея, старую кожу, свою прежнюю оболочку, сохранив для окружающего мира более актуальную, свежую, менее потрепанную версию себя, от новизны которой пощипывало тело. Подняв голову, она осмотрела герб на резной каменной арке. Прохладный октябрьский ветерок тербил волосы, отчего они облепили шею. Ханна поежилась, испытывая нервозность, смешанную с радостным возбуждением.

Вот она, вершина всех надежд, мечтаний и тщательно выверенной стратегии извлечения уроков из поражений — перед ней одно из самых старых и престижных

учебных заведений во всем мире, знаменитый Пелэмский колледж Оксфордского университета, ее новый дом на три следующих года.

Массивная дубовая дверь распахнута настежь — не то что в день собеседования, когда Ханне пришлось стучать по вставленной в ворота средневековой решетке и ждать, пока консьерж не смерит ее подозрительным взглядом на манер комиков из «Монти Пайтона». Сегодня она протащила чемодан через проход под аркой мимо служебки прямо к столику в беседке, где студенты старших курсов выдавали новичкам конверты с информацией и объясняли, куда идти.

— Привет! — поздоровалась Ханна, подойдя ближе и вспахав колесиками чемодана гравиевую дорожку. — Привет! Меня зовут Ханна Джонс. Не подскажете, куда идти?

— Разумеется! — просияла девушка за столом. Длинные светлые волосы блестят, выговор четкий, как линия от стеклореза. — Добро пожаловать в Пелэм! Прежде всего тебе нужно получить у консьержа ключи и номер комнаты. — Девушка жестом показала, что Ханне надо вернуться к арке, под которой она только что прошла. — Студенческий билет уже на руках? Без него и шагу не ступить — ни в столовой расплатиться, ни книги в библиотеке взять.

Ханна отрицательно покачала головой:

— Нет пока, но я уже подала заявку.

— Забери его в галерее номер два, это можно сделать сегодня в любое время. Тебе, наверное, лучше сначала оставить чемодан в своей комнате. Ах да, не забудь о ярмарке первокурсников и встрече-знакомстве для новичков!

Девушка протянула пачку листовок. Ханна неловко зажала скользкие листки под мышкой.

— Спасибо!

Поняв, что разговор окончен, она развернулась и потащила чемодан в обратном направлении.

В тот день, когда была здесь на собеседовании, Ханна не заходила в служебку консьержа, привратник вышел и открыл перед ней дверь. Но теперь она увидела ее изнутри — обшитую деревянными панелями комнату, напоминающую почтовое отделение, с двумя окнами, выходящими во двор и в проход под аркой. Здесь имелась стойка со множеством рядов именных ячеек для писем. Мысль о том, что ей тоже, должно быть, выделена одна из ячеек, вызвала у нее новое любопытное ощущение. Причастности?

Ханна втащила чемодан вверх по ступеням и осталась, ожидая, когда консьерж закончит разговор с юношей или, вернее, с его родителями. Мать молодого человека сыпала вопросами о доступе к вай-фаю, душевых и прочем. Наконец они ушли, и Ханна приблизилась к стойке, досадуя, что ее собственная мать до сих пор не вернулась. Ханне не помешала бы сейчас родительская поддержка.

— Э-э, привет, — поздоровалась она. Живот сводило от нервного напряжения, однако Ханна старалась говорить ровным тоном. Она имела полное право находиться здесь, и нервничать не было никакой причины. — Меня зовут Ханна. Ханна Джонс. Вы не могли бы сказать, куда мне идти?

— Ханна Джонс... — произнес консьерж, кругленький человечек с пушистой седой бородой, похожий на Санта Клауса на пенсии. Он насадил на переносицу очки и принялся изучать длинный список с фамилиями. — Ханна Джонс... Ханна Джонс... Ага, есть такая. Вы будете жить в корпусе «Новый двор», подъезд номер семь, комната номер пять. Это не просто комната, а квартира, к тому же очень хорошая.

Квартира? Ханна хотела уточнить, что это значит, но консьерж еще не закончил, и удобный момент для вопроса был упущен.

— Вам надо пройти вон под той аркой, — он указал через венецианское окно на поросший бархатистой травой двор с арочным проходом в дальнем конце. — Свер-

ните налево через Парк аспирантов, только по траве не ходите, и идите дальше мимо резиденции главы колледжа к седьмому подъезду «Нового двора». Вот карта. С вас, дорогуша, я за совет денег не возьму.

Консьерж шлепнул блестящей сложенной пополам листовкой по стойке.

— Спасибо! — Ханна сунула листок в карман джинсов. — Моя мама может скоро прийти. Она машину паркует. Расскажите ей, пожалуйста, куда я пошла, если она появится, хорошо?

— Предупредить маму Ханны Джонс? — задумчиво протянул консьерж. — Это мне по силам. Джон! — окликнул он человека, раскладывавшего почту. — Если я уйду на обед, а сюда придет мама Ханны Джонс, передай ей, что ее дочь в семерке, пятая комната, «Новый двор».

— Будет сделано, — ответил человек. Он обернулся и посмотрел на Ханну. Рост под метр восемьдесят, моложе коллеги, волосы черные, лицо бледное и потное, хотя, казалось бы, никаких физических усилий он не предпринимал. Голос — высокий и бляющий — совсем не подходил к внешности, из-за чего у Ханны вырвался нервный смешок.

— Благодарю, — сказала она и повернулась к выходу.

Высокий мужчина резко и с некоторой обидой в голосе окликнул ее, когда она была уже на пороге.

— Полегче, барышня!

Ханна обернулась. Сердце екнуло, словно ее только что уличили в чудовищном проступке.

Мужчина, тяжело ступая, вышел из-за стойки и остановился перед Ханной. Он протянул руку с каким-то предметом, помахав им, как трюфеем.

Связка ключей.

— Ой! — Ханна почувствовала себя круглой дурой и отрывисто рассмеялась. — Большое спасибо!

Она подставила ладонь, но мужчина не торопился отпускать ключи. Наконец он разжал пальцы. Ханна сунула ключи в карман и повернулась к выходу.